УДК 821.352.3
ББК 83.3(2=Ады)
Х 98

Хуако Ф.Н.
Доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры маркетинга, сервиса и туризма Майкопского государственного технологического университета, e-mail: fatimah2@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ ПРАКТИКА В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ АДЫГСКИХ ПУБЛИЦИСТОВ

(Рецензирована)

Аннотация:
Анализируется имеющаяся на сегодняшний день в адыгской литературе публицистика (в частности Нурихан Кияровой и Асфара Куека). Актуальность работы предопределена малой изученностью данной тематики в адыгском литературоведении. Освещение этноистории адыгов в художественном ключе, закономерно требует перехода к аналитическому рассмотрению произведений этнических представителей, что и выступает конкретной целью исследований. Учитывается при этом и имеющийся в отечественной литературе публицистический опыт, на основании чего выводится ряд соответствующих жанровых признаков. Каждый из данных признаков, рассматриваемый поабзацно, иллюстрируется текстовыми примерами обоих писателей, которые по возможности сопоставляются друг с другом. Анализ доказывается приведением соответствующих выводов о востребованности данной жанровой деятельности в литературе адыгов, что позволяет прийти к итоговому выводу о мировой отнесенности их творчества.

Ключевые слова:
Литература, адыг, история, новый век, жанр, публицистика, очерк, Н. Киярова, А. Куек.

Khuako F.N.
Doctor of Philology, Professor, Leading Researcher of Department of Marketing, Service and Tourism, Maikop State University of Technology, e-mail: fatimah2@mail.ru

LANGUAGE PRACTICE IN THE TEXTS OF ADYGHE ACTING PUBLICISTS

Abstract:
In the presented article we analyze opinion journalism of contemporary authors available in the Adyghe literature (in particular, that of Nurikhan Kiyarova and Asfar Kuyek). The relevance of the work is predetermined by a poor study of this subject in the Adyghe literary criticism. Explaining the interest in the topic with a focus on highlighting the ethnic history of the Circassians in an artistic way, we naturally proceed to an analytical examination of the works of ethnic representatives. Similar consideration serves as a specific purpose of this article. We also take into account the journalistic experience available in the domestic literature, based on which a number of relevant genre features are derived. Each of these features, considered in a case-by-case manner, is illustrated by textual examples of both writers, which, if possible, are compared with each other. The analysis is proved by bringing respective conclusions about the relevance of this

genre activity in the Circassian literature, which makes it possible to come to a final conclusion about the world attribution of their work.

Keywords:

Literature, Adyghe, history, new century, genre, journalism, essay, N.Kiyarova, A.Kuyek.

Как было очевидно уже в советские годы, изучение роли публицистики в литературе позволяет выявить и очертить определенные этапы формирования и прогрессирования данной литературной формы. Адыгские ученые в свое время (90-е гг. XX в.) убедительно соединили ее со своеобразным творчеством адыгских авторов. Но уже в новом веке появился еще целый пласт новых публицистических произведений, принадлежащих перу представителей адыгской нации. И именно это новое поколение потребовало более пристального внимания на фоне признанных жанровых признаков данного литературного направления.

Главная черта интересующей нас сегодня публицистики – это документальность. «А накануне перестройки 80-х гг.», – как мы говорили об этом в предыдущих статьях, – «именно факт нужен был любому носителю языка и члену адыгского общества. Сказывалась уже возникшая автоматически, пост-партийная усталость; когда любой тезис партийца заведомо считался далеким от истины глумлением» [1: 202]. Именно он, твердый и безапелляционный, способен что-либо доказать, что еще более актуально для литературы сегодня. Объяснимым как раз этим можно считать выставляемый Асфаром Куеком уже в авторском предисловии книги «Золотая роса» (Майкоп, 2015) принцип о географической обширности описываемого: «от адыгского села до зарубежных стран» [2: 7]. Желающая порадовать читателя образом художественная стезя порой нуждается в подтверждении своего авторитета. Жизненные реалии все-таки волнуют получателя, он витает, но не хочет уходить с твердой земли. И потому приятно знакомыми оказываются встающие перед его взглядом в биографическом романе Нурихан Кияровой «Я крови спесь угомонил» (Нальчик, 2015) разнонациональные отечественные исторические лица и хорошо известные еще со школьной скамьи лики писателей. Именно на реальном материале воспоминаний современников поэта строит свое изложение наша соотечественница. И это позволяет в лицах героев книги увидеть многих: и классиков (В.И. Жуковский, К.Н. Батюшков и др.), и военных генералов.

Так, к примеру, открывая Главу X («Мне бой знаком!») в книге Н.Т. Кияровой, мы сразу погружаемся в реально происходившие исторические события и в биографию фактически живших, воевавших людей, известных по историческим хроникам. Но в хрониках они абстрактны, а здесь – живы, эмоциональны и чувствительны. Зачином этой главы выступает череда событий из жизни и карьеры генерала А.А. Аракчеева, сопровождаемых предположениями о его стремлениях, выдвигаемых повествователем. Здесь приводятся его карьерные успехи, автор признает его упущения, негативно воспринятые населением. Однако здесь же – «нравственный долг», как определяющий при разговоре об историческом герое и, в подтверждение, – яркое мнение Н.И. Тургенева. Это позволяет читателю на такой мощной базе сформулировать свое отношение к герою.

Особенно в момент, когда начинается работа над публицистическим произведением (если отечественным, то многонациональным) автор обязан определенно видеть хронологический, порой наукообразный ход событий. И в этом не откажешь рассматриваемым авторам. Н.Т. Киярова тщательно и не единовременно,

а основательно изучила громадный пласт свидетельств современников поэта. И тогда обязательный для русской истории правитель царь Александр I, частый для пушкинианы Н.Т. Кияровой, многое делает для своего народа (выбирает военных деятелей, выводит на арену генералов и т.д.). К тому же лик царя перекликается и с комментариями истории адыгов, производимыми А.С. Куеком. Здесь перед черкесами XIX в. стоит снова русский царь Александр, но уже Второй, объясняя им в ущелье Мамруко собственную политику (не всегда одобряемую повествователем).

В целом, присущий публицистике документализм, его так называемую «верность натуре» В.Г. Белинский совершенно не противопоставлял образности, художественному слогу, возможности придавать типаж предмету (и лицу, и факту), творчески подходить к описываемому. Одно отнюдь не противоречит другому. Определенные моменты иллюстрируются художественным тоном, другие – тоном фактическим, приближенным к документу. «Для созидающего адыга, – как мы говорили об историзме 90-х гг. XX в. в своих статьях ранее, – такое сказалось, в первую очередь, на том, что вышеотмеченная потребность в факте и новоприобретенная свобода рассуждений позволили адыгским авторам вести речь обо всем, случившемся с народом в прошлом» [1: 202]. Здесь у публициста гораздо больше возможностей по сравнению с писателем – можно и лирику, можно и факт. Вероятно, именно в силу подобной вольности лирическая струя в отечественной литературе середины прошлого века приобрела элемент достоверности, придавая текстам публицистическую форму.

«В «деревенской» прозе, – как говорит об этой стадии в отечественной литературе современный доктор педагогики О.Ю.Латышев, рассматривая творчество тогдашних «деревенщиков», – также прослеживается закономерность перехода от автобиографизма к публицистичности: например у В.Солоухина этот путь ознаменовали лирические повести «Владимирские просёлки» и «Капля росы» [3: 142]. Более того, он определяет публицистику как весьма активное и действенное начало, называя ее источником многих новых сил для деревенской прозы. Точнее, он утверждает: «В частности, привнесение в деревенскую прозу (посредством лирической) усиленного публицистического начала позволило качественно расширить её содержательный план и обогатить само понятие «деревенской прозы». Таким образом, сегодня налицо явный позитив современного исследователя по отношению к возникавшей тогда публицистичности. Однако необходимо признать, что этот документализм в свое время ощутимо задел российскую (тогда – советскую) художественную школу. Его называли препятствием, заслоном и «пугалом» для художественности, что ощутимо портило авторитет такому, насыщенному фактами и цифрами, слогу. А «отсутствие художественности» являлось главным симптомом писательской некомпетентности.

Взбудоражившая и напрягшая тогда советскую критику документальность, присущая очеркам, по сути являлась решающим фактором в имевших место прозаических преобразованиях, а сам очерк уже долгие века выступает одним из наиболее авторитетных жанров в отечественной литературе. Следовательно, очерковость можно уверенно отнести к числу жанровых признаков публицистики. Биография очерка прослеживается начиная с древнерусских рукописей и античных книг. Хотя самого жанрового термина тогда не существовало, конкретные очерковые симптомы уже были налицо. Они получили выразительность в ряде трудов древнерусских философов XI-XIII вв. (апокрифов, «Домостроя», митрополита

Иллариона, Владимира Мономаха и др.), чтобы впоследствии уже через несколько столетий самим приобрести четкую, вполне узнаваемую очерковую форму. Такое преобразование рукописей в распространенную сегодня конфигурацию произошло в XVIII столетии путем распространения и преобразований портретного и путевого подвидов. Заметно, что в очерковых материалах названного периода имеют место быть два изобразительных направления – это описания, воспроизводящие человека, либо описания, рисующие путевую картину, т.е. портрет и пейзаж. Такая разнотипность иллюстрирует разнообразие композиционно-выразительных проявлений, присущих обращению к личности уже и во второй половине прошлого века. Аналогичные им конфигурации изложения в зарубежных научных кругах в XVII в. обозначались как эссеистические. Однако в ходе приближения к отечественному читателю перевод придал им очерковый статус. Им, в частности, нередко занимались, получая роль классиков жанра, М.Е. Салтыков-Щедрин, А.И. Герцен, А.Н. Радищев, И.С. Тургенев, М.М. Пришвин, К.Г. Паустовский, то есть по сути, все классические прозаики.

Но ничуть не менее внимателен к подобным жанровым формам и анализируемый нами адыгский автор А.С.Куек. Он перечисляет свои жанровые предпочтения так: «В книге, представленной мною читателям, есть и старое, и новое: старое – это эссе об убыхах «Дубовые ветви, защищенные чинарой», путевые очерки «Люди без кожи» и «Зов земли». Кое-что я в них поправил, но на суть и содержание это не повлияло. Почему я их включил в новую книгу?» [2: 9]. Далее подробно и обстоятельно автор рассказывает о собственной мотивации, повлиявшей как на его жанровый, так и на его информационный выбор. Такая вовлеченность читателя в интересы писателя не может оставить его равнодушным к автору, и получатель уже в Предисловии готов разделить с ним многие душевные порывы, настраиваясь на совместные скитания. Именно они и возводятся на страницах объемной «Золотой росы» – очерково-хроникальной, одновременно и художественной.

В общем, адыгских литераторов можно считать приверженцами публицистики достаточно давно. Очерковость здесь была заметна еще в период отсутствия письменности у адыгов, до революции, в эпоху просветительства на Кавказе. Тогдашнюю очерковую активность мы смело приписываем деятельным тогда адыгским просветителям, происходившим из Черкесии и делавшим удачную карьеру в дореволюционной России (С. Хан-Гирей, А.-Г. Кешев, С.К-Г. Инатов, С. Давлет-Гирей, И. Супако и др.). «Помимо естественной ориентации жанров на фольклор, в адыгской литературе, – как по этому поводу верно отмечает сегодняшний литературовед Н.С. Васильева в «Исследовании нового века» (2005), посвященном публицистике адыгов, – увеличивается доля очерка как публицистического жанра и к третьему периоду его развития (90-е годы XIX века и в дореволюционные годы XX века), в повествованиях Б. Пачева, Н. Кашежева, Ю. Кази-Бека (Ахметукова), С. Сиюхова, И. Цея национальная действительность представала в реалистической форме, устремленной к социальному анализу, политическим оценкам, к злободневной очерковости» [4: 12].

Но помимо подчеркиваемого кабардинским ученым реализма, можно вспомнить и другой рефлекторный симптом данных текстов. Это, несомненно, тот восторг, который искренне и объемно испытывал любой адыг, берущий в руки книгу о своем земляке, написанную также адыгом. Зная, какая это была редкость в советское время, когда разрешались только единичные писательские труды адыгов в строгих идеологических рамках, кто-то из

членов адыгской семьи не мог поверить своему счастью и носился с этой зеленой книжкой, как с божеством. И тогда уже автору-соотечественнику прощалось пребывание за рубежом, переезд туда с Родины, ибо налицо была покрывавшая все недочеты патриотическая приверженность. А книга становилась родным и живым членом семьи.

Как раз подобную расположенность и почтение к Родине продолжает А.С. Куек, посвящающий «Золотую росу» черкесской диаспоре. Его насыщенные информацией сведения, болезненные для адыгов исторические факты, часто посвящены зарубежным адыгам. Постижение имеющейся приверженности к собственной нации, личная ответственность за их целость и невредимость характерна для адыгской публицистики разных времен. Стремление вознести своих предков, воспеть и восхвалить их вполне объяснимо для любого рядового потомка. И потому достаточно закономерна в публицистическом тексте риторическая пафосная лексика, содержащая торжественные, эмоционально окрашенные слова, восклицания, повторы и т.д. Но ничуть не менее активно в нем используются социально-политические и нравственно-окрашенные возгласы и обороты. К примеру, фраза размышляющего о своем творчестве великого русского поэта из книги Н.Т. Кияровой, отвечающего на запальчивое воззвание («Мой юный друг!») старшего В.И. Жуковского, «А для меня театр, с одной стороны, волшебный край, где я набираюсь впечатлений!» [5: 201]. Высоко и пафосно. Столь же приподнят порой в своих изложениях говорящий у А.С. Куека. Но восклицания здесь чаще адресуемы рядовым членам адыгского общества. С восторгом описывая своих предков, заседавших группами в зеленых гостиных (хачещах) он, перечислив все присущие им темы, подытоживает: «Какие это были старики: статные, полные сил и уверенности в себе! А сколько им пришлось пережить: и голод, и холод, гражданскую войну, коллективизацию, жестокие репрессии тридцатых годов, а еще и кровавую войну с немцами» [2: 13]. Здесь пафос уже не столь объективен, его усиливает сама этническая принадлежность писателя.

И вообще в сегодняшней публицистике гораздо больше категоричности, безапелляционности, резкости. Психология здесь жесткая, но четкая, чего не доставало в размытой и лишенной границ лирической прозе 60-80-х гг. XX в. Так, к примеру, резко и порой грубо гуляющий по рядам в театре великий поэт, рисуемый интеллигентным автором с неким тональным осуждением: «Всех здесь приучив, что гуляет по рядам кресел, наступая зрителям на ноги, разговаривая по выбору, со знакомыми или незнакомыми, хвастаясь перед ними закулисными связями, Саша иногда вступал с кем-то в перепалки – слишком быстро раздражался и затевал ссоры» [5: 201]. Автор явно здесь не на стороне своего героя, но она готова многое простить своему Саше. А А.С. Куек многое прощает своим героям за то, что они адыги: «Но через неимоверные трудности достойно пронесли имя настоящего мужчины – адыга. Такие истории и так интересно они рассказывали, что слушать их я не уставал. Рассказчики они были великолепные, достаточно эмоциональные, но неторопливые» [2: 13]. Оба приводимые нами мотива прощений писателей психологически обоснованы и закономерны, что приближает нас, как читателей, к их строкам и дарит нам веру в них.

Возможными здесь являются и просторечия, выступающие у публицистов в качестве четкого элемента художественного слога. К примеру, описывающая посещаемую поэтом харчевню «Зеленую лампу» Н.Т. Киярова использует здесь и «попойки», и «лукавый взгляд», и «потирание рук», и «размалеванные брови», и многое другое, разговорное. Ну, а

у А.С. Куека в тексте, гораздо более приближенном ко дню сегодняшнему, просторечий гораздо меньше, они более спокойные, поскольку относятся к нашим современникам: «Найдите мне, где бы он ни находился, парня тридцати лет, но чтобы это был *куапсэ* (адыг. – «мужчина, на котором не растут волосы и который не бреется»), – мягким голосом начал свой рассказ Асхад, удобно устроившись на кровати, – приказал князь. Пошли и нашли» [2: 15]. Либо такая фраза, описывающая реальную карьеру автора в Майкопе: «Поинтересовался: учусь ли я, чем занимаюсь. Я ему ответил, что окончил филологический факультет Адыгейского педагогического института, адыгейское отделение, работаю в областной национальной газете «Социалистическэ Адыгей» журналистом» [2: 14]. Здесь, конечно, у второго автора менее допустимы вольности в обращении со стилем по сравнению с автором, пишущим пушкиниану двухсотлетней давности.

Таким образом, путем аналитико-сопоставительного рассмотрения произвольно выбранных нескольких страниц каждого из произведений, уже можно обозначить картину полноценного присутствия публицизма в текстах сегодняшних адыгских авторов, что доказывает их цельную отнесенность к общемировым литературным тенденциям.

Примечания:

1. Хуако Ф.Н. Действующее лицо истории в адыгской прозе прошлого и нового веков // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2016. Вып. 2 (177). С. 200-205.
2. Куек А.С. Золотая роса. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2015. 608 с.
3. Латышев О.Ю. Литературное и лингвистическое краеведение в социализации учащихся, студентов и ученых. Саарбрюкен: LAMBERT, 2015. 235 с.
4. Васильева Н.С. Жанровые и структурно-стилевые особенности очерка и рассказа в адыгейской литературе 60-90-х гг.: дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2005. 183 с.
5. Киярова Н.Т. Я крови спесь угомонил. Биографический роман. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2015. 640 с.

References:

1. Khuako F.N. Historical character in the Adyghe prose of the last and new centuries // Bulletin of the Adyghe State University. Ser. Philology and art history. Maykop, 2016. Vol. 2 (177). Pp. 200-205.
2. Kuek A.S. Golden dew. Maikop: Adyghe Rep. Publishing house, 2015. 608 pp.
3. Latyshev O.Yu. Literary and linguistic study of local lore in the socialization of pupils, students and scholars. Saarbrucken: LAMBERT, 2015. 235 pp.
4. Vasilyeva N.S. Genre and structural-style features of the essay and story in the Adyghe literature of the 60s-90s: Diss. for the Cand. of Philology degree. Maikop, 2005. 183 pp.
5. Kiyarova N.T. I calmed down the blood arrogance. Biographical novel. Nalchik: Publishing houses of M. and V. Kotlyarovs. 2015. 640 pp.